

Мир 2000

Именем Нодара Думбадзе

Решением Министерства морского флота СССР одному из новых танкеров грузинского морского пароходства присвоено имя замечательного советского писателя, лауреата Ленинской премии Нодара Думбадзе.

Наш корр.

ТВИЛИСИ

ТВ

Мир 2000, 1985, 12 июня

СА

Нодар ДУМБАДЗЕ:

ДЕЛАТЬ ДОБРО, ПОКА МОЖЕШЬ

В издательстве «Советский писатель» готовится к выходу в свет книга критика А. Руденко-Десняка, посвященная творчеству Нодара Думбадзе. В нее войдут материалы встреч и бесед с писателем. Сегодня мы публикуем одну из них.

— Спереди, с большим мешком, я за ним — с маленьким. Дорога была через кладбище. Я не боялся даже ночью — дед был со мной. А без него не ходил — побаивался. И вот дед умер, его похоронили, и мне пришлось идти через кладбище одному, поздно. И я пошел — без страха. Во-первых, уже привык (воспитание!), во-вторых, был убежден, верил, что дед меня защищает. По-прежнему!

Это дед научил меня прививать плодовые деревья. Давно это было. А в прошлом году в Сагурамо я занялся прививкой яблонь — и все получилось.

Человек видит и помнит многое. О чем он хочет рассказать другим? Простая посылка, а кое-что существенное определяет, имея в виду нашу работу.

Я постарался не забыть ни одного урока доброты.

— Наверное, не только доброты. Я имею в виду хотя бы тональность твоих рассказов... Ты любишь называть их коронарной недостаточностью...

— Да, они появились вместе с чувством, что я чего-то недосказал в своих романах, на какие-то вопросы не ответил. Рассказы — как ростки, отростки от романов, расщипровка того, что было сказано бегло, полусловом.

— Даже по переводам можно судить, что рассказы эти — сама простота и ясность...

— Я не любитель параллелей, но вот что заметил в той же русской прозе: сложные вещи писать легче, простые — труднее. Вот у Валентина Распутина есть рассказ «Уроки французского». Все там просто, а впечатление потрясающее. Я читал его повесть «Живи и помни»; драматизм, конечно, мощь... А для меня весь талант Распутина раскрыт в маленьком рассказе. Он сам там живет. Не то чтобы сидит на колесе обозрения и наблюдает за всем сверху, а находится внутри... После чтения «Уроков французского» у меня возникло ощущение чего-то родного и близкого. Будто я сам писал и в распутинском мальчишке узнавал себя — в его упорстве, в отношениях со старшими. Этот мальчишка не идет ни на какие компромиссы, он понимает подсознательно: один раз уступит, сдается — и ему крышка. Он очень похож на мальчишку в моем рассказе

«Собака», на ребят из «Hellados»...

— Писатель неизбежно проходит курс той или иной учебы — у предшественников, у современников...

— В литературе нет учителей. Книжки-теводители есть.

— А критика?.. Несколько слов о твоих отношениях к ней.

— В том что я делаю, критику может не понравиться многое. Я только хочу, чтобы, упрекая меня, он ясно представлял, что и как я хотел сказать. И если национального во мне, писателя, совсем не замечать, останется неуловимым. И что-то очень важное в самом произведении. Это не та проблема, которая касается только меня и критика. Она — общая... Критик имеет право высказать писателю абсолютно все, нет у него одного права: учить, как писать.

Я слышал одну шутку: критика так же помогает движению литературы, как астрономия — движению планет. Это смешно, но не очень точно. Критика, подобно астрономии, способна обнаружить, есть ли вообще жизнь на какой-то писательской «планете», какая там атмосфера. От этого «планета» не изменится, но люди, читатели получат необходимые знания. Так критика и выполняет свою функцию в литературе... А вообще до сих пор читателей боюсь гораздо больше критиков...

— Ну, на читательское внимание тебе жаловаться грех...

— На одной встрече мне задали вопрос: «Как жить?» Тут или очень легко ответить, или вообще невозможно — в нескольких словах. Как жить? Просто и свободно, делать добро, пока можешь... Мало? Не знаю.

— Похоже, именно так живет герой повести «Нукарача».

— Это не совсем обычная для меня вещь. Я был в Гульрипиши, на море, работал. Написал всего одиннадцать страниц, и случился инфаркт. Второй. Меня просто вернули оттуда, кое-как откачали... Ночью в больнице тихо вставал, писал. И после больницы, дома, тоже. Так и получился рассказ о Кукараче. Он — как тореадор. Да-да, не улыбайся. Он может отступить, маневрировать, но уйти с арены не может, пока не закончится бой. Так или иначе — но закончится.

И ЕЩЕ Нодар Владимирович сказал как-то почти мимоходом:

— Дерево по имени Нодар Думбадзе уже немного шатается. Но я — сын земли, сын этой земли, и корни мои здесь. Хочу, чтобы ты почувствовал искренность моих слов...

Он талантливо говорил, писал, жил... Такие потери невозможны.

А. РУДЕНКО-ДЕСНЯК

Фото А. КАРЗАНОВА

НОДАР ДУМБАДЗЕ был блестящим собеседником... Не знаю, можно ли передать на бумаге эту гибкую интонацию, эти молниеносные переходы от серьезного к смешному, эту постоянно преодолеваемую усталость в глуховатом голосе...

— Тебя часто называют человеком счастливой судьбы...

— Что ты имеешь в виду? Мою личную жизнь? Иногда мне кажется, за пятьдесят с лишним на мою долю досталось столько, что хватило бы лет на сто пятьдесят...

Как-то странно звучит это — насчет счастливой писательской судьбы. Когда все напечатано, будто так и надо. А кухни никто не знает... «Я, бабушка, Илико и Илларион» — даже и непонятно, что это было: печатали в журнале «Цискари» под рубрикой «Юмор» самым мелким шрифтом — чтоб не так заметно... А когда вышел роман «Закон вечности», один вполне ответственный работник сказал: об этом можно писать? Позже роману дали свою премию рабоче Нурека, он был удостоен Ленинской премии... Я думаю, отмечена не только моя литературная деятельность, а и работа в литературе нашего поколения.

...Вот так со стороны посмотреть — действительно, судьба моих произведений счастливая. И мне самому иногда так кажется. А как вспомнишь, что предшествовало каждому, даже самому маленькому успеху, удаче прямо дрожь берет... Не подумай, я не расстраиваюсь, я радуюсь. Да и зачем другим знать о твоих огорчениях? Искусство призвано помогать людям. Об этом и надо думать в первую очередь.

— В «Законе вечности» написано: «Бачана Рамишвили родился 14 июля. Эта дата была отмечена во всех календарях мира, но, разумеется, не как день рождения Бачаны, а как день падения Бастилии, день рождения Французской республики»...

— Да, я родился 14 июля, как Бачана Рамишвили, и инфаркт перенес, как он, и журналистикой, подобно ему, занимался, только он — редактор республиканской газеты, а я редактором сатирического журнала «Нианги».

Редакторство — это такое дело... Я первое время сидел в кабинете и все ждал — сейчас войдут люди и скажут: «А это кто такой? Ну-ка, освободи место...»

...После «Закона вечности» получили много писем. Реакция читающей публики — дело тонкое. И такие письма получал: «Как вы смаете о своей нации так писать?» Или сочувствие: «А вы не боитесь за себя?»...

Есть такая своеобразная национальная стыдливость: не выносить сор из своей избы. Я всегда таким стыдливым говорю: больной, который скрывает свою болезнь от врача, может умереть. Это элементарно. И не всегда врач спрашивает у больного, надо, скажем, делать операцию или нет. Говорю, конечно, о крайнем случае. А писателю никогда нельзя бояться, условно говоря, национальных болезней, стыдливо отворачиваться от них. Когда у нации появляется какой-то антиправственный вирус, писатель и старается показывать человека, который борется с этой болезнью, не боится лезть в грязь и мусор. Чтобы читатель видел, переживал, может, чувствовал стыд. И чтобы очищение шло — вот в чем суть... Мой герой Бачана — из самой жизненной гущи. И часто имеет дело с грязью.

— Но она к нему как будто не пристаёт. Как будто вообще нет быта...

— Э, здесь применяется чаплинский метод. Не удивляйся, сейчас поясню. Чаплина понимай? Хоть и в дырявых, но перчатках. Хоть и рваные цилиндр и фрак, зато — цилиндр и фрак... У Чарли дома три — половинной тарелки и полторы вилки, а он бровки гладит... Тут через детали — поразительное внутреннее состояние. Тут никогда не теряется рыцарский дух! А бровки могут быть одни... Взять хотя бы, как Бачана и другие верийские ребята относятся к сумасшедшей девочке Марго.

— Бачана, как и ты, учился в университете...

— Я поступил в Тбилисский университет в сорок пятом году. Собирался стать экономистом сельского хозяйства. Как видишь, серьезного человека из меня не вышло... Было в университете литобъединение, а у него альманах «Пирвели схиби» — «Первый луч». Там и начал печатать году в

сорок восьмом — сорок девятом стихи и фелыетоны.

— В Бачане Рамишвили легко найти сходство с тобой. А Зурикела Вашаломидзе, герой первого романа?..

— Я так же, как Зурикела, рос сиротой, жил в деревне во время войны. И меня воспитывали бабушка и тетя. Нашу деревушку зовут Зенобани. Она рядом с большим селом Хидистави, в Западной Грузии. В хорошую погоду, если подняться к крепости царицы Тамары, видно море. Это Гурия.

В Зенобани жили два старика, мои одноклассники. Оба действительно без глаза. Один окривел раньше, еще до моего появления в деревушке, другой заболел при мне... Илико был очень остроумным. Иллариона же я довольно заметно изменил — он в жизни гораздо более сдержанный и серьезный человек. После выхода романа односельчане узнали стариков, а они — себя...

— И как к этому отнеслись?

— Были в ужасе. В «Цискари» мой первый роман печатался небольшими частями. После первых публикаций до меня дошли просто страшные слухи. Пришлось срочно дать рукопись своему старому другу, с которым учился в сельской школе. Он прочел и успокоил односельчан. Сказал, что ничего плохого в романе нет. Ну а потом оказалось, что попасть в литературу не так уж скверно, что в нее попадают не только мерзавцы...

— Как тебе видится сегодня содержание, суть первого романа?

— Знаешь, я обнаружил там просто монументальные вещи. Там есть национальная трагедия — война, там есть сиротство подростка, есть горе тяжелой болезни и даже смерть А. юмор... Юмор какую-то легкость тридцать предмету, о котором говоришь. Когда я смотрю — в кино — на египетские пирамиды, у меня такое ощущение, что древние мастера обладали магическим свойством — лишать предметы их веса. На какое-то время А. только каменная глыба ложилась на место, ее снова нельзя было ни поднять, ни сдвинуть... Юмористический писатель должен поступать так же — делать детали своей постройки легкими при строительстве, но чтобы после того, как они улягутся на место, была заметна их монументальность.

Вообще что такое юмор?.. Приехав на студенческие каникулы, я решил помочь бабушке. Она долго искала работу любимому внуку, а потом попросила поставить в огороде новую уборную. Я взялся за дело очень рьяно. Пилил из бревен доски, строгал, бегал с топором и молотком, а поскольку квалификация моя была очень низкой, получилась сооружение каких-то невероятных размеров. К вечеру появился Илико, осматривал мою работу и произнес: «Нодар, ты что, решил отделаться от бабушки?» Мы смеемся сейчас, а Илико тогда даже не улыбнулся. Понимаешь, он совсем не собирался шутить. Так он думал, так видел, так говорил. О многих гурийцах можно сказать то же самое.

Это атмосфера, которой я дышал.

Я использовал, кстати, всякие народные байки. Представь, жаждающие вина его воруют, напиваются, потом кто-нибудь говорит: «Давайте споем! Только тихонько...» Или еще хлеще: «Давайте постреляем! Только тихонько...» Тут их и накрывают. Подобных сюжетов — бездна. Разве можно придумать такое: колхозники предлагают приделать к конторе колеса, чтобы возить ее ближе к дому очередного председателя? Я незаметно для себя впитывал реплики, шутки, истории самого народного происхождения. И учился смотреть вокруг глазами моих земляков.

— В книгах ты довольно редко позволяешь своему остроумию быть злым, сердитым. Эткий милый, теплый дождь... Похоже?

— Сатира — кипяток, юмор — теплый душ. Я больше склонен к теплой воде — чтобы не обжигать человека, а снимать грязь... Но и сатирой пользуюсь: иногда кипяток тоже нужен.

— Детство — начало начал. Насколько можно судить, тогда были получены те жизненные уроки, значение которых сказалось много лет спустя.

— Одним из моих учителей был дед Кишварди. Человек был замечательный, многому меня научил. Давал оружие, учил стрелять. Сажал на коня. Ночью отпускал одного. Ходили мы с ним на мельницу. Он